

Е. Л. Конявская

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РАННИХ ЛЕТОПИСЯХ

Личность Александра Невского была популярна как у его современников, так и в последующие века. Житие Александра было составлено в ближайшие десять лет после его смерти¹. Памятник целиком или частично был включен во многие летописи, в том числе и в отразившую раннее летописание Лаврентьевскую летопись. Вместе с тем немало места уделено событиям, в которых главная роль принадлежит Александру Ярославичу, и в летописных статьях. Материал летописей неоднократно привлекался историками при характеристике личности Александра Невского и его роли в политическом развитии Русской земли. Я. С. Лурье были определены летописные статьи, касающиеся биографии князя, дан обзор соответствующих летописных известий². И теперь интересно предпринять попытку анализа этих летописных текстов, касающихся Александра Невского (в первую очередь, ранних летописей: Новгородской I старшего извода и Лаврентьевской, писавшихся в ближайшее время после событий), дабы выяснить, каким предстает в них образ знаменитого правителя и полководца.

Первое летописное упоминание об Александре читается в НИ под 6736 г. Летописец сообщает, что Ярослав Всеволодович с супругой уезжает из Новгорода в Переяславль, оставив старших сыновей Федора и Александра как своих представителей. С ними остаются боярин Федор Данилович и тиун Яким. В летописной статье этому факту не дается оценок и комментариев, но если учитывать контекст, в котором содержится сообщение, то становится ясно, что князь оставляет своих малолетних детей (7 и 8 лет) — пусть и под присмотром боярина и тиуна — в крайне сложной обстановке. Из той же статьи мы узнаем, что Ярослав ездил к Пскову (по-видимому,

¹ Житию Александра Невского посвящена богатая научная литература, в том числе к его анализу обращался и Владимир Владимирович Кусков (см.: *Кусков В. В.* «Россов усердный защитник» (об Александре Ярославиче Невском) // *Русский язык за рубежом.* 1991. № 2. С. 93–98; *Кусков В. В.* Святой князь-воин (Александр Невский) // *Библиография.* 1992. № 3/4. С. 53–56). Ему также принадлежит публикация текста Жития с переводом и комментарием (см.: *Древнерусские княжеские жития.* Сост., вступит. ст., подгот. текстов, коммент., перев. В. В. Кускова. М., 2001. С. 17, 194–207, 380–382).

² См.: *Лурье Я. С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // *ТОДРА.* СПб., 1997. С. 387–399; *Лурье Я. С.* Ордынское иго и Александр Невский: источники и историография XX в. // *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 100–130.

чтобы звать псковичей в планируемый им поход на Ригу), но псковичи решили, что князь идет с недобрыми намерениями, везет оковы, и затворили город. Князь возвратился в Новгород, собрал вече и возложил на Псков «жалобу велику». По его словам, он вез туда «дары: паволокы и овоць»³. На ладожские земли нападает емь (на которую ранее совершил успешный поход Ярослав Всеволодович), новгородцы с князем выступают в поход, но ладожане справляются сами, а в новгородских войсках возникает конфликт, на вече хотят убить некоего Судимира, которого спасает князь. Для похода на Ригу Ярослав Всеволодович приводит полки из Переяславля, их пребывание около Городища и в Славне по дворам способствует вздорожанию продуктов. Псковичи, еще больше уверившись во враждебности Ярослава, заключают с рижанами мир, стремясь заручиться их поддержкой. Не помогает посольство, посланное князем в Псков с уверениями, что он зла «не мыслить никотораго же», и с призывом идти с ним в поход. Посланник псковичей отвечает отказом, вспоминая обиды прежних походов, когда новгородцы не поделились серебром, заявляет о мире с Ригой и т. д. Отказываются идти в поход и новгородцы. Ярослав отсылает полки в Переяславль, а псковичи совершают уже откровенно враждебную акцию: «тѣхъ, кто ималь придатъкъ у Ярослава, выгнаша ись Пльскова: “пойдите по князи своемъ, намъ есте не братья”» (С. 66). После этих слов и следует сообщение об уходе из Новгорода Ярослава с женой, оставившего в городе своих сыновей.

Неудивительно, что столь нестабильная обстановка разрядилась очень скоро кризисом, когда в городе начались волнения, был смещен владыка Арсений как ставленник Ярослава за «мзду». Далее был сменен тысяцкий, ураганный ветер разрушил мост через Волхов, а Ярославу Всеволодовичу уже в явной форме были направлены условия дальнейших взаимоотношений с Новгородом: «поеди к намъ, забожнице отложи, судье по волости не слати; на всѣи воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе». В такой обстановке братья Федор и Александр вместе со своими опекунами бегут из Новгорода в Переяславль. И снова прямой оценки событиям летописец не дает. Сочувственная позиция пономаря Тимофея⁴ явственно звучит лишь по отношению к акциям, направленным против архиепископа Арсения. Об остальном Тимофей повествует в нейтральном тоне, осуждая лишь кровопролитие. Говоря об отъезде детей Ярослава с боярином и тиуном, он характеризует его как бегство, а инициативу этого бегства однозначно приписывает Федору Даниловичу: «Тои же зимѣ побѣже Федоръ Даниловиць съ тиуномъ Якимомъ, поимъше съ собою 2 княжичя, Федора и Альксандра, сыропустныя недѣли въ уторник, в ночь». Точность указания времени отъезда свидетельствует о том, что в Новгороде их поступок имел серьезный резонанс. Действительно, этот факт послужил основанием для отказа Новгорода от сотрудничества с Ярославом и поиска иного князя. Летописец, хотя и не от себя, а передавая мнение новгородцев, дает трактовку случившегося: «Тѣгда же новгородци рѣша: “дажь что зло съдумавъ на святую Софию, а побегль; а мы ихъ не гонили, нѣ братью свою есме казнили; а князю есме зла не створили никотораго же; да оно имѣ Богъ и крестъ честныи, а мы собѣ князя промыслимъ”» (С. 67). Таким образом, очевидно, что инициатива бегства приписывается Федору Даниловичу, он же подозревается в некоем злом замысле против Новгорода. Хотя не исключено, что здесь присутствует традиционное для летописей стремление вывести из-под какого-либо обвинения князя, списав его настоящие или мнимые прегрешения на «злых советников» (и тогда это творчество пономаря Тимофея), текст речей новгородцев

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 66 (далее — указание страниц издания в тексте в скобках). Это известие следует в статье не по хронологии, летописец говорит, что события случились «преже... рати», т. е. похода на емь, о котором он пишет в начале статьи.

⁴ О летописной работе Тимофея см.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI в. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 632—633; Гиниус А. А. К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 8—12, 68; Гиниус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI—XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. АДД. М., 2006. С. 12—13.

очень похож на реальное обоснование обращения новгородцев к другому князю, выработанное заинтересованной группировкой и пропагандируемое ею.

Не получив князя-защитника ни в лице Михаила Черниговского, ни тем более в лице его малолетнего сына Ростислава, новгородцы в декабре 1230 г. вновь зовут Ярослава Всеволодовича, а он вновь сажает в Новгороде Федора и Александра, сам то наезжая в Новгород, то возвращаясь в Переяславль. Теперь на смену мятежам пришел страшнейший голод, который сопровождался грабежами и людоедством. Об обстоятельствах пребывания в это и последующее время в городе княжичей нет даже косвенных летописных данных⁵. Лишь судя по тому, что Федор умер (1233 г.) и был похоронен в Новгороде, можно думать, что молодые князья все эти годы оставались там.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович занимает киевский стол, а Александр становится новгородским князем. О женитьбе Александра Ярославича в 1239 г. и последующей закладке им вместе с новгородцами городков на Шелони⁶ сообщает Нст: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотьскѣ у Брячслава дщерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашу чини, а в Новѣгородѣ другую. Того же лѣта князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ» (С. 77).

Как можно видеть, об Александре новгородский летописец говорит как о своем князе, действующем совместно с новгородцами в их интересах.

Следующий летописный текст, касающийся Александра Ярославича, — уже о знаменитой Невской битве. Здесь с эпическими преувеличениями Тимофей сначала описывает многочисленность и разноплеменность вражеских войск, затем говорит, что они угрожали всей Новгородской земле: «хотяче всприяти Ладогу, просто же реку, и Новѣгородъ, и всю область Новгородскую»⁷. Создав таким образом представление о серьезности угрожающей опасности, летописец подчеркивает, что Бог способствует русской стороне — князь узнает об угрозе вовремя: «Но еще преблагыи, премилостивыи человеклоубецъ Богъ ублюде ны и зашити от иноплемьникъ, яко всуе трудишася без Божия повелѣния: приде бо вѣсть в Новѣгородъ, яко Свѣи идуць къ Ладозѣ». Побеждает князь Александр «силою святыя Софья и молитвами Владычица наша Богородица и Приснодѣвица Мария». Вместе с тем в рассказе дается оценка и самим действиям князя: он идет на шведов «не умедли ни мало». Масштабы сражения представляются под стать силам неприятеля (их было «множество много зѣло»): «бысть велика сѣча». Особо подробно летописец останавливается на потерях противника, которые не поддаются подсчету («множество много», «бещисла»). По-видимому, Тимофей смог познакомиться с различными рассказами о битве, ибо он несколько раз упоминает о фактах, в точности которых не до конца уверен: «инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же», с новгородской стороны погибло «всѣхъ 20 мужь с ладожаны, или мне (в Нмл менши), Богъ вѣсть» (С. 77).

Что же касается дальнейших событий 1240 г., когда Псков страдал от немцев и сговорившихся с ними изменников, а Александр, «ропрѣвѣся с новгородци», с матерью, женой и всем двором уехал в Переяславль⁸, то летописец оценок и объяснений не дает. Свое отношение к происходящему

⁵ Правда, о Федоре говорится в статье 6740 г., где псковичи просят у Ярослава Всеволодовича к себе князем его старшего сына, но Ярослав дает им шурина Юрия. Позже, по свидетельству Лаврентьевской летописи, Федор участвует в походе Юрия Всеволодовича на мордву (см.: ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 459).

⁶ Как показано Вл. В. Седовым, именно вариант Синодального списка дает верное чтение, ибо археологические данные подтверждают строительство нескольких городков как укреплений от набегов соседей (см.: Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони // Новгородские древности. Вып. VI. Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. Выпуск XIV. М., 2001. С. 7).

⁷ Эти преувеличения — как в отношении состава войск неприятеля, так и в отношении глобальности их планов — объяснялись историками плохой информированностью летописца (см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 155–157) или поздним редактированием записи (см.: Кучкин В. А. Борьба Александра Невского против Тевтонского Ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 132–133).

⁸ Логичную трактовку ссоры предлагает В. А. Кучкин: «после Невской победы Александр был не в состоянии противостоять агрессии новых врагов» силами своих войск, поскольку «победа над шведами была достигнута преимущественно силами дру-

в этой статье он проявляет лишь однажды: когда сочувствует псковичам и всем, кто пострадал от неприятеля. О ссоре новгородцев с князем говорится глухо, также не объясняется и то, почему Новгород не принял князя Андрея, брата Александра. Зато, когда по просьбе новгородского посольства, возглавляемого архиепископом Спиридоном, в город возвращается Александр, Тимофей подчеркивает: «и ради быша новгородци». Последующий победоносный поход на немцев, когда Александр с новгородцами, ладожанами и др. берет Копорье, а пленных немцев и переветников приводит в Новгород, описывается кратко, скупно и без комментариев. Однако при сравнении этого текста с соответствующим фрагментом в Житии Александра Невского известие НИ выглядит гораздо яснее и информативнее. В Житии речь идет о неких из «Западной страны», которых победил Александр, затем одних «извѣша», других привел с собой, а иных «помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивѣ паче мѣры»⁹. Новгородский же летописец сообщает, что князь «Нѣмци приведе в Новѣгородъ, а инѣхъ пусти по своей воли; а Вожанъ и Чюдцю перевѣтники извѣша» (С. 78). Т. е. он частично взял в плен, а частично отпустил врагов — немцев, а представителей води и чуди, которых считал изменниками, казнил.

О событиях 1242 г. сообщает не только НИ, но и Лаврентьевская летопись. Новгородский рассказ подробен и, в отличие от повествования о Невской битве, точен и объективен. Летописец рассказывает, что князь Александр с новгородскими войсками и его братом Андреем с «низовцы» занимает пути на Псков и неожиданно захватывает город, пленных немцев и чудь отправляет в Новгород, а сам идет на Чудскую землю. Отряд, пущенный в разведку, встретил неприятеля и был разбит. Летописец с сожалением говорит о гибели Домаша Твердиславича, «брата посадника, мужа честна», часть его воинов была убита, другие сумели вернуться в расположение войск Александра. Александр отступает к озеру, ставит полки, через которые «Нѣмци и Чюдъ и прошибошася свиньею». Князю и новгородцам помогают Бог, Святая София и свв. Борис и Глеб: «тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру; а Нѣмци ту падоша, а Чюдъ даша плеща» (С. 78).

В Лаврентьевской летописи читается лишь относительно краткое известие, представляющее видение и интересы человека Северо-Восточной Руси, для которого важно участие в событиях Андрея Ярославича, посланного отцом: «Великий князь Ярославъ посла сна своего Андрѣа в Новѣгородъ Великий в помочь **В**лександрови на Нѣмци». Русские войска победили неприятеля на озере «за Плесковом», взяли много полона, и Андрей возвратился «къ **В**щю своему с чѣстью»¹⁰. Как можно видеть, здесь нет ни подробностей похода и битвы, ни каких-либо оценок их значения. Характерно, что противоположная картина наблюдается в псковских летописях. Здесь не упоминается князь Андрей, все заслуги отданы Александру Ярославичу. Псковича интересует, в первую очередь, освобождение Пскова от немцев: «Пришед князь Александръ и изби нѣмецъ во градъ Псковъ и градъ Псковъ избави от безбожныхъ нѣмецъ помощию Святыя Троица»¹¹. Статья эта отмечена А. Н. Насоновым как попавшая в свод «из материала местных записей»¹². И относительно рассмотренной начальной ее части, как мы видим, с этим можно согласиться. Однако дальнейший ее текст имеет, по всей вероятности, иной источник¹³.

жины самого князя Александра» (Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 25).

⁹ Житие Александра Невского (первая редакция) // Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.: Л., 1965. Тексты. С. 169.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

¹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 13. Слова «помощию Святыя Троица» подтверждают создание известия псковским летописцем.

¹² Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. С. 37.

¹³ Слова о том, что немцев, которые остались живы после битвы, повели «босы по леду», трактуются А. В. Валеровым как информация, полученная псковским летописцем от участников событий (см.: Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2004. С. 172). Исследователь не сомневается, что псковичи

В следующем тексте НИ, касающемся Александра Невского (под 6753 г.), победы князя описаны без особых эмоций, но достаточно подробно и с разделением действий князя с новгородцами, когда они присоединяются к тверским, дмитровским и новоторжским войскам, преследовавшим литовцев, и «съ своимъ дворомъ», когда он побеждает под Жижичем. Наконец, летописец сообщает, что князь, взяв с собой сына из Витебска, встречается «иную рать» под Усвятом уже «в малѣ дружинѣ» и «тѣхъ изби, а самъ приде сдравъ и дружина его» (С. 79).

Далее под следующим годом идет краткое известие об отъезде Александра в Орду, а через 4 года летописец говорит, что князь из Орды вернулся к новгородцам и «бысть радость велика в Новѣгородѣ» (С. 80).

Подробности же столь долгого пребывания в Орде можно узнать из Лаврентьевской летописи, где сказано, что Андрея и Александра Батый отправляет «г Каневичемъ» (т. е. в Каракорум). Однако до этого сообщения в Лаврентьевской летописи идет эмоциональный рассказ о том, как, узнав о смерти отца, Александр спешит во Владимир «и плакася по ѿцѣ своемъ с стрьею своимъ Стославою и с браею своею»¹⁴. В Лаврентьевской летописи есть еще одно важное известие, которое не отмечено новгородцем: Александр Ярославич получил в Орде Киев «и всю Русьскую землю». И далее до того, как Александр Ярославич вернется в Новгород (в 1250 г.), он проведет какое-то время во Владимире, о чем сообщает та же Лаврентьевская летопись. Собственно, с этих статей в Лаврентьевской летописи материал, касающийся Александра Невского, становится относительно подробным и обширным. Более того, особый интерес именно к этому князю со стороны летописца заставляет предположить, что летописная работа велась в его окружении. Так, несмотря на то что во Владимире находился великий князь Владимирский Андрей, речь идет об Александре. Летопись сообщает, что он оплакивает двоих князей, умерших во Владимире. Александр «плакася» над углицким князем Владимиром Константиновичем «и проводи и чѣтно из Золотыѣхъ воротъ»¹⁵, а затем оплакивает Василия Всеволодовича и провожает его прах в Ярославль. Очевидно, что во Владимире в это время были и другие князья — в первом случае он «плакася» «с браею», во втором называются двоюродные братья Василия Борис и Глеб Васильковичи и их мать. Однако речь идет, в первую очередь, об Александре Ярославиче. Оплакивание им не самых близких родственников призвано подчеркнуть его душевные качества и приязненные с ними отношения.

Апологетическое отношение к Александру Невскому наблюдается в Лаврентьевской летописи даже при описании новгородских событий. Под 6759 г. в НИ говорится о приезде в Новгород митрополита Кирилла и рукоположении им в архиепископы Далмата. В статье же Лаврентьевской летописи акцентируется, что митрополит Кирилл едет «ко Ѡлексанѣдру». Это в известной степени справедливо, ибо приездом митрополита и ростовского епископа для осуществления хиротонии Новгород был обязан авторитету князя. Именно в Лаврентьевской летописи дана дата этой хиротонии. Только в ней говорится и о болезни Александра, которая, скорее всего, постигла его на обратном пути. Согласно Лаврентьевской летописи, за него молились митрополит и епископ Кирилл, которые приезжали вместе с Александром в Новгород

участвовали в Ледовом побоище. Действительно, в ПИ и ПШ говорится, что с князем Александром были «мужи» новгородцы и псковичи, но в ПШ этого указания нет, хотя сомнительно, что псковский летописец мог сократить именно эти слова. Наоборот, вполне естественно предположить их дополнение при дальнейшем редактировании. Вместе с тем источник этого выражения обнаруживается в Житии Александра Невского. К нему же восходит и обращение к псковичам Александра Ярославича, где он говорит, что псковичи уподобятся «жидовам, распявшим Христа», если не примут «в печали» его «племенников». Оно, вполне возможно, как предполагал А. Н. Насонов, было перефразировано уже в XIV в. в связи с княжением в Пскове Александра Михайловича Тверского (см.: Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. С. 37). Но можно предположить и гораздо более раннее происхождение идеи, заключенной в словах Александра: в 1252 г. в Псков бежит Ярослав Ярославич. Следует также отметить, что Псковские летописи указывают 1 апреля в качестве дня битвы, по-видимому, имея лишь приблизительное представление о дате сражения.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

¹⁵ Там же. Стб. 472.

на поставление архиепископа. Апологетика Александра и его рода проявляется также в словах летописца: «Бѣ помилова и. и мѣтва ѿца его Ярославѣ»¹⁶.

В следующем известии Лаврентьевской летописи Александр Невский идет в Орду, по словам летописца, еще как князь новгородский, а возвращается великим князем Владимирским, которому дано «старѣишинство во всей братии его»¹⁷. Уже в рассказе о его вокняжении во Владимире по приезде от татар он подчеркнуто титулуется великим князем, описывается, как его встречают «со кресты» от Золотых ворот, отмечается, что до его вокняжения во Владимире «весь ряд» держал тысяцкий Роман Михайлович и теперь «бы радѣ велика в градѣ Володимери. и во всей земли Суждальской»¹⁸.

В начале статьи 6763 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти брата Александра — Константина, тело которого привозят во Владимир, великий князь встречает и хоронит его вместе с митрополитом и священническим чином. Затем летописец переходит к событиям, связанным с Новгородом. Но известно ему далеко не все. Вновь он пишет с точки зрения человека, который находится во Владимире и знает, что новгородцы посылают к Александру Невскому «о мире», при этом не объясняет, в чем суть конфликта, потребовавшего посылки такого посольства.

Последовательно история излагается в НИ: «Выведоша новгородѣи изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонѣ. И то слышавѣ Олександрѣ, отецѣ Васильевѣ, поиде ратью к Новугороду» (С. 80). По-видимому, получив эту весть, Ярослав бежит из Новгорода, о чем Александру, который идет со своими полками и новоторжцами, сообщает некий Ратишка. В Новгороде происходит противостояние «вятших» и «менших», причем распри осложняются выступлениями черных людей. Хотя летописец отождествляет себя с Торговой стороной, которая отнюдь не заодно с князем, он не позволяет себе враждебности в высказываниях о нем. А после того как компромисс найден, он в позитивном тоне констатирует, что злодеи и дьявол посрамлены и новгородцы избежали кровопролития: «И поиде князь в город, и срѣте и архиепископѣ Далматѣ со всѣмъ иерѣбскимъ чиномъ, съ кресты, у Прикуповичѣ двора; и вси радости исполнишася... И сѣде князь Олександрѣ на своемъ столѣ» (С. 81).

В Лаврентьевской летописи хронология событий нарушена, по-видимому, в силу недостатка информации. Согласно этой статье, Александр сначала идет на Новгород (причина не называется), к нему отправляется посольство о мире, он медлит, в Новгороде «быс(ть) крамола», и лишь тогда новгородцы выгоняют Василия Александровича, бывшего наместником Александра Невского. Зато летопись содержит подробности, касающиеся Василия. Из статьи можно узнать, что он дождался отца в Торжке. Кроме того, летописцу известно, что Александр идет к Новгороду с Дмитрием Святославичем «и с богары». Как и в НИ, согласно Лаврентьевской летописи, его встречают с радостью и «со кресты», однако трактовка итога событий дана иная. Владимирский летописец утверждает, что князь великий «посади сна своего Новѣгородѣ. а са^м поѣха ѿ ни^х с ч^тью великою. мирѣ давѣ имѣ»¹⁹. Новгородцы же предпочитают о Василии больше не упоминать, а своим князем считают самого Александра, подчеркнув, что он сел в Новгороде «на своемъ столѣ». В. Л. Янин относится именно к этой версии с полным доверием, однозначно утверждая, что новгородский стол Александр «оставляет за собой и, уходя из Новгорода, не сажает на нем наместника»²⁰. Из двух разных сообщений логично, конечно, посчитать более точным новгородское (поскольку информация касается Новгорода), а сообщение Лаврентьевской летописи соотнести с последним известием статьи НИ 6764 г., где рассказывается о походе Александра на емь, а в конце говорится, что князь пошел «в Низѣ», «а сына своего Василья посади на столѣ» (С. 81).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Стб. 473.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Стб. 474.

²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 207.

Однако останется непонятным, где и в каком статусе пребывал его сын до этого акта. Об отъезде его вместе с Александром из Новгорода годом ранее ничего не говорится.

Сама же статья 6764 г. НЛ хотя и подробна, но не во всем ясна. В начале говорится, что «Свѣи, и ѣмь, и Сумь, и Дидманъ съ своею волостью» начали строить крепость на Нарове. Новгородцы послали за Александром Ярославичем и сами стали копить войска. Враги, узнав об этом, испугались и «побѣгоша за море». «На зиму» князь со своим полком приходит в Новгород, с ним приезжает митрополит Кирилл. Летописец не объясняет цели прихода митрополита, а затем оказывается, что митрополит сопровождает Александра и далее, когда тот отправляется «на путь». Лишь от Копорья он возвращается в Новгород. При этом, когда князь уходит в поход, новгородцы не знают, «кдѣ князь и деть; друзии творяху, яко на Чюдъ и деть» (С. 82). Можно предположить, что тайна соблюдалась, чтобы застать врасплох неприятеля. После Копорья, однако, уже ясно, что войска движутся на Емьскую землю. И тут почему-то отправляются обратно «инии мнози новгородци». Едва ли их смутила цель похода — именно емь вместе со шведами и др. пыталась строить крепость, что, собственно, изначально и вызывало тревогу в Новгороде. Возможно иное объяснение: далее рассказывается, насколько «зол» оказывается путь этого зимнего похода, когда «не видали ни дни, ни ночи», многие в войске князя погибли, а новгородцев «Богъ соблюде». Поход, однако, закончился полной победой князя Александра²¹.

В Лаврентьевской летописи об этом походе князя на емь «с суждалцы и ноугородцы», из которого он возвращается «с честью въ свою очину»²², говорится кратко. А в первой части этой статьи содержится информация о том, что князь Борис Василькович отправляется в Орду, Александр же посылает туда дары.

Под 6765 и 6766 г. в Лаврентьевской летописи читаются сходные известия о поездке в Орду русских князей во главе с великим князем Александром — «чтить» хана Улагчи. Есть под 6766 г. и сообщение о переписи в Новгороде²³, причем только в Лаврентьевской летописи говорится, что в Новгород едут несколько князей: Александр, Андрей и Борис. О сопротивлении новгородцев здесь нет ни слова, напротив, по версии Лаврентьевской летописи, князя «ищтоша» и уехали во Владимир, Александра же новгородцы задержали «и чтиша много. Олександръ же давъ имъ рѣдъ. и поеха с чѣтью въ свою очину»²⁴. Таким образом, летописец умалчивает о серьезных противоречиях, возникших в Новгороде в связи с «числом», которые князю Александру пришлось сводить к компромиссу, дважды приезжая в Новгород.

Гораздо более полное представление об этих драматических событиях дает новгородская летопись. В 1257 г. Александр приезжает в Новгород вместе с татарскими послами, что не было для города неожиданностью, там уже шли волнения, Василий был на стороне противников «числа» и при приближении отца бежал во Псков. Новгородцы не дали послам десятины и тамгы, а ограничились дарами. Послы уехали, великий князь отправил Василия «в Низъ», а «Александра и дружину его», всех тех, «кто Василья на зло повель», наказал урезанием носа и выниманием очей. Очевидно, что летописец не осуждает князя, а оправдывает его действия, закончив афоризмом: «всякъ бо злыи злѣ да погыбнеть» (С. 82).

В 1259 г. татары приезжают большим посольством «с женами своими, и инѣхъ много». Новгород их встретил настолько враждебно, что те, опасаясь за свою жизнь, обратились к Александру с просьбой дать «сторожей», «и повель князь стеречи их сыну посадничю и всѣмъ

²¹ Этот текст использован в Московском своде конца XV в., но уже снабжен оценками и эпическими преувеличениями. Полки Александра «проидоша горы непроходимые, и повоева поморие все», а сам он «славен же бысть и грозен» (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 143).

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

²³ Н. Г. Бережков отмечает, что это событие должно датироваться следующим 6767 г. (см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 114).

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ» (С. 82). Татары награждаются отрицательными эпитетами: «окаянные», «сыроядцы», «звери дивии», а об Александре (который, очевидно, был вынужден склонять новгородцев к «числу») говорится совершенно нейтрально: численники уехали, а князь «поѣха послѣ». Это согласуется с сообщением Лаврентьевской летописи о том, что новгородцы «оудержаша» Александра, но в НИ ни слова нет о том, что в Новгороде его много «чтиша». Сказано лишь, что он посадил на новгородском столе своего сына Дмитрия. Данная процедура, видимо, и была причиной его задержки в городе.

Дальнейшее можно узнать из Лаврентьевской летописи. Из Новгорода князь Александр, видимо, возвращался через Ростов. Летописец уточняет, что в Ростове он оказывается в среду Страстной недели. Князь присутствует на службе: «кланѣ стѣи Бѣи. и цѣлова крѣть чѣтнѣи». Летописец подчеркивает боголюбие Александра и особые отношения его с епископом Кириллом, передавая слова князя: «Оче стѣи твоею млтвою. и тамо в Новѣгоро^а ѣхалъ есмь здоровъ. и сѣмо приѣхалъ есмь твоею млтвою здоровъ». Сказанное может означать, что и на пути в Новгород он встречался с владыкой. Столь же идиллическими предстают взаимоотношения великого князя с ростовскими родственниками: Борисом, Глебом и их матерью Марией, которые вместе с епископом «чтиша Олександра с великою любовью»²⁵.

Краткая информация о рождении у Александра сына Даниила читается также в Лаврентьевской летописи под 6769 г. В этом же году великий князь вновь подтверждает свое особое почитание ростовского владыки. Тот пребывал в старости «глубоцѣ и в чѣтнѣи добродѣтелнѣи сѣдинѣ»²⁶, и по инициативе Александра Невского ему был дан в помощь «выведенный» из Богоявленского монастыря архимандрит Игнатий, который по смерти владыки будет поставлен на ростовскую кафедру. Александр здесь назван «благоверным», он действует вместе с теми же Борисом и Глебом Васильковичами и митрополитом Кириллом.

В НИ в статье 6770 г. рассказывается о походе «подъ Юрьев», в который новгородцы пошли уже с сыном Александра Невского Дмитрием. При этом характерно, что, называя князей — участников похода, новгородский летописец отмечает их родство с Александром: «Костянтинъ князь, зять Александровъ, и Ярославъ, брат Александровъ». Сам же великий князь отправляется в свою последнюю поездку «в Татары», где «удержа и Берка, не пустья в Русь; и зимова в Татарѣхъ, и разболѣся». Под следующим годом в новгородской летописи уже рассказывается о смерти и похоронах Александра Ярославича. Указаны все подробности и даты: приезд «из Татар» «велми не здравя, въ осенинѣ» (С. 83), пострижение в Городце 14 ноября на память апостола Филиппа, преставление той же ночью. Наконец, похороны во Владимире и погребение в монастыре Рождества Богородицы с указанием полной даты: «мѣсяца того же въ 23, на святого Амфилохия, в пятох». Но главное, необычен для сдержанных по отношению к князьям новгородцев своего рода некролог: «даи, Господи милостивыи, видѣти ему лице Твое в будущи вѣкъ, иже потрудися за Новѣгородъ и за всю Русьскую землю» (С. 84). Высокая оценка князя говорит о том, что Александр Невский в восприятии новгородцев, безусловно, выделялся из череды других князей, сидевших на новгородском столе. Характерна и формулировка «за Новѣгородъ и за всю Русьскую землю»: в ней сделана попытка осмыслить его роль как полководца и политического деятеля. Выражение «за всю Русьскую землю»²⁷ означает в данном случае необычное для Новгорода

²⁵ Там же. Стб. 476.

²⁶ Там же. Стб. 475—476.

²⁷ О развитии мотива защиты «Русской земли» см.: Горский А. А. Представления о защите Отечества // Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 62—77. Надо отметить, что, хотя и крайне редко, но в домонгольских новгородских текстах встречается употребление выражения «Русская земля» (вне контекста ее защиты) не по отношению к южным территориям. Так, например, в рассказе о победе новгородцев над объединенными войсками Северо-Восточных земель в 1170 г. летописец перечисляет: «придоша подъ Новѣгородъ суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мьстиславъ съ смольняны и съ торопьяны, муромьци и рязаньци съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцяны», а затем резюмирует: «и вся земля просто Русьская» (С. 33). Этот фрагмент отмечен Н. Ф. Котляром как образец «широкого»

указание на южнорусские земли (о северо-восточных чаще говорили «Низ»), а именно всю Русь²⁸ (т. е. Русскую землю в широком смысле²⁹).

Лаврентьевская же летопись всецело ориентирована на восхваление князя, что было связано, возможно, вначале с ведением летописной работы непосредственно в кругу, близком Александру Ярославичу, а затем с редактированием соответствующих известий в период становления его культа. Об этом определенно свидетельствует помещение под годом его кончины составленного в ближайшее после нее десятилетие Жития Александра Невского.

употребления термина, второй пример ученого (касающийся описания Липецкой битвы) дает менее ясную картину (см.: *Котляр Н. Ф.* Динамика представлений о Русской земле в летописании XII в. // Восточная Европа в древности и в средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2006. С. 109).

²⁸ Об установлении связи новгородского стола с великокняжеским и признании суверенитета великого князя над Новгородом в эпоху Александра Невского см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 211–212.

²⁹ См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002. С. 27–28, 199.

